

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК**  
Императорское Православное Палестинское Общество

**ПАЛЕСТИНСКИЙ  
СБОРНИК**

**ВЫПУСК  
32 (95)**

Санкт-Петербург  
Издательство "Прас-Атра"  
1993

## СУДЬБА РУССКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ ВО ВРЕМЯ ПАЛЕСТИНСКОГО МАНДАТА

Паломничество в святые места Иерусалима и его окрестностей, связанных с жизнью и смертью Иисуса Христа, давало выражение одному из глубочайших образов христианского благочестия. Количество паломников, заполнявших Храм Гроба Господня, место захоронения Христа, было столь велико, что только ежегодное чудо святого огня, свершающееся в канун Православной Пасхи, — то есть зажжение ангелом светоча над гробницей и раздача Патриархом этого света, — привлекало в Иерусалим неисчислимые тысячи.

Роберт Курзон, описывая чудо святого огня, происходившее в трагическую Пасху 1834 года, отмечает, как в присутствии египетского Паши Ибрагима семнадцать тысяч паломников, находившихся в то время в Иерусалиме, собрались внутри и вокруг Храма Гроба Господня. В ту Пасху, после того как чудо произошло и патриарх был вынесен толпою на руках из гробницы, началась неразбериха. Паника усугубилась, когда мусульманские стражники, стоящие снаружи, приняли беспокойные паломников за атаку на саму стражу. Тогда стражники ворвались в храм, размахивая штыками. По свидетельству Курзона сотни тогда погибли и многие были тяжело изувечены<sup>1</sup>.

События 1834 года и ежегодный наплыв паломников в Святые места — наплыв, который достиг апогея в канун Первой Мировой войны, — дают нужную перспективу в понимании участия Российской Империи в Палестинском землевладении, начиная со второй половины XIX-го века. Ибо, хотя не только Русская Православная Духовная Миссия в Иерусалиме, но позднее и Православное Палестинское Общество пытались привнести порядок и контроль в соперничающие интересы греков и Православных арабов в Святых местах, тем не менее русское присутствие становилось все более сложным с возрастанием ежегодного потока тысяч и тысяч русских паломников: в канун I Мировой войны уже около 20 000 в год.

Частично для того чтобы справиться с соперничающими между собой греческой и арабской фракциями в пределах Иерусалимского Патриархата, но позже и для того чтобы разрешить проблему снабжения все возрастающих масс русских паломников в Иерусалим, Русская Православная Духовная Миссия в Иерусалиме, а позднее и Императорское Российское Православное Палестинское Общество купили большие земельные участки и воздвигли образовательные, религиозные и благотворительные учреждения, равно как и помещения для паломников. Акты о русских земельных приобретениях, особенно Палестинским Обществом и наиболее выдающимися главами Иерусалимской Духовной Миссии, Архимандритом Антоном (Капустиним) и Архимандритом Леонидом (Кавелиным), с тех пор были достаточно хорошо документированы в других работах и не нуждаются в детальном представлении здесь<sup>2</sup>. Тем не менее поразительное количество этих земельных приобретений является основанием для того вопроса, который я хотел бы сегодня задать.

В период между 1857 и 1914 годами Русская Духовная Миссия в Иерусалиме и Императорское Российское Православное Палестинское Общество закупили более 65 участков земли общей площадью приблизительно 1,5 млн. квадратных метров, т. е. около 150 гектаров. Таким образом, для сравнения, Духовная Миссия и Палестинское Общество стали владельцами земель, в шесть раз превышающих по размеру территорию современного московского Кремля. Конечно, некоторые части этих землевладений включали территории, находящиеся за пределами Иерусалима — в Вифлееме, Иерихоне, у Галилейского моря и так далее. Но большинство землевладений находилось внутри Иерусалима и в его окрестностях. Духовная Миссия, которая владела большей частью огромного Русского Подворья в Иерусалиме, наряду с церквями и монастырями владела земельной собственностью в пять раз большей, чем Палестинское Общество. Однако и владения Палестинского Общества, превышающие 23 гектара (235 000 квадратных метров), оставались значительными. Одно большое здание Общества, к примеру, могло разместить до семи тысяч паломников<sup>3</sup>.

Вопрос, который я хотел бы сегодня задать, прост, а именно: что же случилось со всеми этими весьма значительными землевладениями Русской Миссии и Палестинского Общества после I Мировой войны и Октябрьской большевистской революции. Одним из последствий создания Палестинского Мандата, поддерживаемого Британией, преиницией Османского правления в этом районе, было то, что многие из источников, важных для понимания судьбы русского землевладения в Палестине, были сохранены в Британском Государственном архиве, в особенности в фондах иностранного и колониального отделов<sup>4</sup>. Возможно, что за исключением записей, сохранившихся в Иерусалиме, эта Британская архивная документация на сегодняшний день дает наиболее ясную картину относительно судьбы русского землевладения в Палестине во время Палестинского Мандата.

В реконструкции по этим записям судьбы русского землевладения в Палестине выявляется сложная структура британской политики. Тезис этой статьи заключается в том, что британская политика, движимая заботой о международно признанном религиозном и благотворительном

характере русских землевладений, попыталась любыми средствами избежать возвращения владений советским властям, чей признанный атеизм она рассматривала как противоречие тем интенциям, с которыми используются Святые места. Однако, не передавая права на владение советским представителям, — наоборот, обескураживая всякий визит советских делегаций, вплоть до начала II Мировой войны. — власти Британского Мандата сыграли на руку представителям Русской Православной Церкви за рубежом, последователям Карловацкого Синода, которые пытались, хотя и с малым успехом, использовать страх перед советским атеизмом для установления своей собственной власти над довоенными русскими владениями. В конце концов, стороной, которая выиграла более всего от спорного вопроса о русском землевладении, был Палестинский Мандат или сами британские власти, так как, обеспечивая аренду землевладений и зданий на земле, правительство Палестинского Мандата за минимальную стоимость поддержало и расширило свои собственные правительственные учреждения на русских землях. Важность этого прецедента огромна, так как во взятых в аренду зданиях в бывшем Русском подворье и в других местах продолжают располагаться некоторые самые высокопоставленные правовые и бюрократические учреждения современного Израильского государства, в том числе его Верховный Суд.

Иронией, в конечном счете, является то, что для очевидной цели защиты религиозных и благотворительных намерений русского православного землевладения в Иерусалиме Палестинский Мандат разработал свою собственную систему контроля, которая, с одной стороны, разрешая ограниченную монашескую и религиозную институционную жизнь в некоторых владениях, значительно способствовала секуляризации земель, ранее принадлежавших Императорскому Православному Палестинскому Обществу и Русской Духовной миссии в Иерусалиме.

Вопрос русского землевладения в Иерусалиме, в то время как он, несомненно, был частью забот Палестинского Мандата со времени возникновения Лиги Наций и мандатной системы, оказался значительной заботой для Британии в 1923 году в связи с апелляцией Леонида Красина, члена Советской торговой делегации в Лондоне, по поводу советских прав на довоенные русские владения. В мае 1923 года Красин обратился в Министерство Иностранных Дел Великобритании, требуя возвращения владений в Палестине Советскому правительству<sup>5</sup>. В меморандуме Красина и в последующих апелляциях, включая апелляции Константина Раковского, советского *chargé d'affaires* в Англии, был предложен тот аргумент, что в декрете Совета Народных Комиссаров от января 1918 года касательно отделения церкви от государства особое место занимало положение о том, что никакие религиозные общества не могут владеть частной собственностью, и поему все такие бывшие собственности должны перейти в собственность народа, то есть во владение государства. Следовательно, земельные собственности в Иерусалиме, когда-то принадлежавшие императорскому правительству или религиозным ассоциациям, находившимся в Российской Империи, теперь по декрету становились *de jure* собственностью Советского правительства<sup>6</sup>.

Апелляции Советского правительства вызвали в Великобритании длительные разбирательства, породившие, в свою очередь, серию ответов, которые оказались эффективными в подрыве советских притязаний на русские владения на весь период Палестинского Мандата. В своих начальных поисках ответа на советские притязания англичане обратились к положению Лиги Наций «Мандату на Палестину», изданному Советом Лиги в июле 1922 года. Статья 13-я «Мандата» передавала «всю ответственность в связи со Святыми местами и религиозными зданиями или участками Палестины» британским властям, властям, которые стали управлять через Верховного комиссара Палестины и различные административные и правовые организации Палестинского Мандата. Четырнадцатая статья того же документа, однако, призвала к созданию «специальной комиссии», назначенной Мандатом, «которая бы определила и выявила права и притязания в связи со Святыми местами». Эта специальная комиссия никогда так и не была создана, благодаря неразрешенным спорам внутри Совета Лиги Наций о составе комиссии<sup>7</sup>.

Англичане не могли полностью положиться на статью тринадцатую и на положение первоначального «Мандата», так как они не могли быть полностью уверены, что Палестинские правовые организации своей собственной властью не могли бы найти некоторую законность в советских притязаниях по получению апеллаций от советских властей. Как результат этой неуверенности британские власти решили, что в Палестине должен быть создан специальный устав, чтобы прояснить статус благотворительных земель. В своем обращении от имени Государственного Секретаря Великобритании Р. МакДональда в июне 1924 года Министерство Иностранных Дел Великобритании сообщило Колониальному Отделу, что «М-р МакДональд также согласен с необходимостью немедленного решения в местном законодательстве вопроса благотворительных фондов»<sup>8</sup>. Своевременно дела также относились к проводившейся в то время Англо-Русской Конференции по нормализации дипломатических и торговых отношений, конференции, на которой вполне возможно было возникновение вопроса о русском землевладении.

В конце концов, «Устав о благотворительных фондах» 1924 года дал Палестинскому Мандату и его правовым организациям широкую полномочную власть над благотворительными, особенно акафуйными, землями и религиозными фондами в Палестине<sup>9</sup>. Решающим моментом, касательно русских землевладений, были те, не делающие различий условия, которые мы находим в

статье 37-й Устава. Согласно этой статье, «не противореча ничему (другому) в Уставе», суд в оценке «любого владения в Палестине, находящегося в руках владельца, при условии, что использование владения и доходы от него будут отданы на благотворительные цели... может объявить эту собственность вверенной под опеку». По Уставу «вверенный под опеку» приобрело значение того, что Верховный комиссар Палестинского Мандата или его представитель могли распоряжаться владениями в благотворительных целях. Результатом этого Устава о благотворительных фондах 1924 года стало то, что даже если бы советские власти подали апелляцию в Палестинские юридические органы, этим органам была дана власть объявить, что Мандат является легально попечителем этих собственности, тем самым устрояя все остальные притязания на эти земли, которые могут быть опасными (а в каком-то случае и нет) по отношению к их секуляризации. Это было, по существу, наделением широкими полномочиями административной властью управляемого Британией Мандатского правительства, возглавляемого Верховным комиссаром Г. Самуэлем.

В то время как Устав о благотворительных фондах с успехом подорвал советские притязания на палестинские владения на весь остаток межвоенного периода, его влияние на остальных претендентов, включая эмигрантские организации и местных русских монахов и монахинь, было более сложным. Апелляция русских эмигрантов по поводу иерусалимских владений достигла Министерства Иностранных Дел Британии сразу же после первоначального советского притязания 1923 года. В сентябре 1923 года митрополит Евлогий, объявив себя «наивысшим представителем» на Западе канонически избранного Патриарха Тихона в Москве, апеллировал к архиепископу Кентерберийскому с просьбой о его, архиепископа, ходатайстве перед британскими властями о том, что владения, ранее принадлежавшие Русской Православной Миссии и Православному Палестинскому Обществу, «не должны быть отданы, даже на время, в руки посторонних, а должны быть оставлены, как они были и раньше, во владении Русской Православной Церкви в лице ее вышеназванного верного представителя (т. е. самого Евлогия)»<sup>10</sup>. Заявляя свои собственные полномочия как главы церковной администрации Русской Православной Церкви в западной Европе, митрополит Евлогий объявил, что ни одно из владений, принадлежавших Духовной Миссии и Православному Палестинскому Обществу, не было собственностью Российского государства, — заявляя, которое хотело отклонить советские притязания, указывая на декрет 1918 года о секуляризации имущества. Евлогий также указал на представителей двух пререволуционных организаций, по-прежнему находящихся в Иерусалиме, а именно, архимандрита Иеронима, начальника Духовной Миссии, и Н. Р. Селезнева, бывшего секретаря, а потом распорядителя Православного Палестинского Общества.

В дополнение к искам митрополита Евлогия, представители Русской Синопальной Церкви за рубежом, так называемого Карловацкого Синода, также заявили свои притязания на Иерусалимские владения. Считая своими сторонниками некоторых бывших членов Православного Палестинского Общества, например Н. Р. Селезнева, Синод пытался сыграть в свою пользу путем культивирования поддержки тех русских монахов и монахинь, которые остались в Иерусалиме с дореволюционного времени. По этому поводу митрополит Антоний (Храповицкий), лидер Церкви за рубежом, поехал в Иерусалим в июне/июле 1924 года. В своих письмах из Иерусалима митрополит Антоний упоминал о продолжающемся присутствии приблизительно трехсот монахинь в двух русских монастырях и дюжины русских чиновников духовного сословия, которые по-прежнему возглавляли Русскую Православную Миссию<sup>11</sup>. В годы, последовавшие за визитом митрополита Антония, особенно посредством участия лоялиста Карловацкого Синода, бывшего кишиневского архиепископа Анастасия, Церковь за рубежом претендовала на лояльность русских, оставшихся в окрестностях Иерусалима, и даже выпускала журнал в Иерусалиме «Святая земля». К концу межвоенного периода Синодальная Церковь за рубежом могла с успехом рассчитывать на лояльность некоторых, но не всех, монахов и монахинь, по-прежнему оставшихся в Иерусалиме с дореволюционных пор.

Для более точного описания, однако, существует тот факт, что Октябрьская большевистская революция и последовавший за ней упадок русского паломничества оставили местных русских представителей Иерусалимской Духовной Миссии и Палестинского Общества без традиционного источника материальной поддержки. Митрополит Антоний (Храповицкий) во время своего пребывания в Иерусалиме в 1924 году весьма отчетливо обрисовал положение:

*«Почти все огромные и многочисленные корпуса подвора, равно и помещения его б. начальника, занятые английскими правительственными учреждениями, а квартирная плата за них составляет единственную доходную статью русской миссии, состоящей ныне из 10—12 лиц в священном сане и монашеском чине».*<sup>12</sup>

На самом деле, свидетельство Антония Храповицкого показывает абсолютную необходимость для оставшихся русских священнослужителей и монахинь сдачи в аренду русских владений властям Мандата.

Эта сдача подтверждается записями, находящимися в Британских архивах, по которым арендная плата для существования оставшихся русских священнослужителей и монахинь — плата, производимая вначале через испанское консульство, а позднее через специального администратора, назначенного палестинским Верховным комиссаром, — записана для более двадцати зданий, бывших ранее частью Духовной Миссии и Православного Палестинского Общества.<sup>13</sup> Годовая плата за эти участки, как, например, в 1924 году, составляла более £ 4800. К 1930 году, вслед за провозглашением специального «Административного Устава о русских владениях» (Устав № 31, 1925, провозглашенный в 1926 году), собственности были переданы на формальное бюрократическое попечение английского административного лица с годовой арендной платой более £ 7700, получаемых местными представителями Православного Палестинского Общества и Духовной Миссии. Этот доход от сдачи в аренду составлял более девяноста процентов от общего годового дохода, собираемого дореволюционными организациями<sup>14</sup>.

Здания были сданы в наем для весьма различных целей, от таких как размещение самого испанского консульства и суда Палестинского Мандата, до складов, больницы, тюрем, и даже барakov и складов британской жандармерии. Наряду с тем, что большее количество снятых в аренду владений было в Иерусалиме, британская жандармерия также арендовала русские владения в Назарете, а также были и другие, взятые в аренду владения в Акре, Хайфе и Иерихоне. Опираясь на цифры 1924 года, можно сказать, что более трети всего годового дохода от сдачи в наем было получено всего от трех Иерусалимских владений:

1. Палестинские правовые и судебные здания, действовавшие на земле Духовной Миссии в бывшем Русском Подворье (£ 600).
2. Большая больница, функционировавшая на земле Православного Палестинского Общества (арендная плата в £ 630 в год).
3. Складское помещение на земле Православного Палестинского Общества (£ 600).

Частичным объяснением последующего увеличения годового дохода является то, что к 1930 году двадцать процентов арендного дохода приходило от сдачи в аренду частным лицам — знак того, что местные представители Православного Палестинского Общества и Духовной Миссии освобождались от полной зависимости Палестинского Мандата. Тем не менее, находясь в рамках определения «Устава об администрировании Русских владений», дореволюционные русские религиозные организации и местные русские монахи и монахини оставались во многом зависимы от арендной платы, получаемой от властей Палестинского Мандата.

В конце концов, власти Палестинского Мандата были заинтересованы держать на расстоянии юридические притязания Советов, в то же время сохраняя максимальную мобильность в ответах на апелляции дореволюционных русских фигур, таких как Н. Р. Селезнев и митрополиты Евлогий и Антоний. В результате этого, Палестинский Мандат продолжал за минимальную арендную плату занимать многие из бывших русских зданий с такими же секулярными целями, что могло бы впоследствии стать, как они боялись, результатом признания притязаний «атеистических» советских представителей. Между тем, опасаясь того, что независимая сдача в аренду Русского Подворья уже проводилась Н. Р. Селезневым и другими русскими эмигрантскими представителями, власти Мандата продолжали оказывать давление на Н. Р. Селезнева и других с тем, чтобы они продемонстрировали ясное право собственности на владения, перед тем как продолжать проявлять активность по отношению к ним. Играя на обе стороны, англичане признавали невозможность доказательства этого права после секуляризации Советами церковного имущества в январе 1918 года — акта, который Палестинский Мандат признавал только потому, что он помогал подорвать позицию Н. Р. Селезнева и Русской Синодальной Церкви за рубежом<sup>15</sup>.

Ирония здесь, конечно, заключается в том, что тот же самый Декрет о секуляризации англичане, возможно с основанием, также направили против Советов, поскольку, по первоначальному праву, многие из русского землевладения попали по старой классификации земель Османской Империи в раздел вакуфных земель. Такие вакуфные земли были признаваемы как мусульманскими судами, так и их преемниками Мандата, пригодными для использования в исключительно благотворительных целях и не подлежащими секуляризации<sup>16</sup>.

Таким образом, в период после I Мировой войны Палестинский Мандат выработал сильный прецедент на использование русской собственности для правительственного снятия внаем. Отказываясь признать притязания и атеистического советского правительства, и русских религиозных эмигрантов, англичане поставили себя как попечителей владений, платя арендную плату через испанское консульство, а позже через своего собственного администратора для распреде-

ления ее среди уменьшающегося количества русских монахов и монахинь в Иерусалиме и его окрестностях. В то время как картина после II Мировой войны, относящаяся к этим владениям, остается по-прежнему смутной среди судебных процессов и враждебных притязаний, продолжившееся в период после II Мировой войны использование владений израильским правительством подтвердило важность представления, учрежденного британскими властями. В то же время можно только задуматься, не является ли очевидный неуспех советских притязаний, представленный Красиным, Раковским, Литвиновым и другими, доказательством фундаментального бесплодия официальной идеологии атеизма, принятой новым Советским государством.

#### ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Curzon R. Visits to Monasteries in the Levant. in: Luke H. Ch. Ceremonies at the Holy Places. L., 1933, p. 28—29.
2. Другую литературу о русской деятельности и землевладении в Палестине см.: Stavrov T. G. Russian Interests in Palestine, 1882—1914. Thessaloniki, 1963; Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843—1914. Ox., 1969; Smolitsch I. Zur Geschichte der Beziehungen zwischen der russischen Kirche und dem orthodoxen Osten. // Ostkirchliche Studien. Vol. 5, 1956; Архимандрит Киприан. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, 1817—1894. Белград, 1934; Юшманов В. Русские учреждения в Палестине и Сирии перед началом войны с Турцией. // Сообщения императорского Православного Палестинского Общества. Вып. 25 (1914), с. 436—464; Его же. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией. // Сообщения. Вып. 26 (1915), с. 147, 181, 373—408 и (1916), с. 267—288.
3. Приводимые здесь цифры землевладений взяты из документов, хранившихся в британском Министерстве Иностранных Дел во время и непосредственно после периода Палестинского Мандата. Итоговые цифры, приводимые в настоящей работе, почерпнуты из четырех архивных фондов британского Министерства Иностранных Дел:
  - а) Британский государственный архив. Министерство Иностранных Дел (далее PRO F. O.) 371/10491, Северное отделение (далее N) 1288/1288/38, 13 февраля 1924;
  - б) PRO F. O. 371/10514, N 3501/3501/85, 22 апреля 1924;
  - в) PRO F. O. 371/10836, Восточное отделение (далее E) 2435/236/65, 18 апреля 1925;
  - г) PRO F. O. 371/52591, E 646/646/31, 17 января 1946.
4. Для более полного описания относящихся к данной теме документов британского Министерства Иностранных Дел и Министерства колоний см. в готовящейся к публикации университетом штата Аризона магистерской диссертации: Palma M. Russian Landholdings in Palestine, 1917—1948.
5. См. копию меморандума Л. Красина от 18 мая 1923 г. PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65.
6. Об апелляции К. Раковского и ее связи с декретом 1918 г. об отделении церкви от государства, см.: сообщение Чемберлена о его встрече 1 апреля 1925 г. с Раковским. // Chamberlain to British Ambassador to Moscow Hodgson. PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65 (1 April 1925).
7. Копию «Мандата на Палестину» Лиги Наций, включая статьи 13 и 14, см.: PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65.
8. PRO F. O. 371/101112, E 4970/4300/65 (D. G. Osborne — Colonial Office, 24 June 1924).
9. Копию черного варианта «Устава о благотворительных фондах», см.: PRO F. O. 371/10111, E 3543/3543/65 (1924).
10. Копия письма митрополита Евлогия от 19 сентября 1923 г. находится в: PRO F. O. 371/9370, № 8612/4560/38.
11. Архиепископ Никон. Жизнеописание блаженного Антония митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7, Нью-Йорк, 1961, С. 43.
12. Жизнеописание блаженного Антония. С. 43.
13. Список владений, сдаваемых в аренду Палестинскому Мандату, включая варианты оплаты через испанское консульство, см.: PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65 (1925).
14. Об «Административном Уставе о русских владениях», см.: Колониальный отдел Государственного Архива (PRO Colonial Office) 733/212, 97024/1/32 (1932). В этом же фонде содержится данные бухгалтерской отчетности о доходах и расходах в отношении Православного Палестинского Общества и Русской Духовной Миссии за 1930 г. по 31 декабря. Общий доход Православного Палестинского Общества составил 6005 фунтов стерлингов, из которых 5732 было получено в качестве платы за сдаваемые в аренду владения. Общий доход Русской Духовной Миссии составил 2799 фунтов, из которых 2034 были получены от сдачи в аренду владений. Еще 451 фунт поступил в Духовную Миссию в качестве вспомоществования от Православного Палестинского Общества.
15. Для подтверждения противоречия Мандата также и Н. Р. Селезневу, см.: копию отчета Верховного комиссара Г. Самуэля от 26 октября 1923 г. в: PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65.
16. Об истории благотворительного вакуфного землевладения см.: Layish A. The Muslim Waqf in Israel. // Asian and African Studies. Vol. 2, 1966, p. 41—76, а также Stein K. W. The Land Question in Palestine, 1917—1939. Chapel Hill, 1986.

#### S. Batalden

### THE FATE OF RUSSIAN LANDHOLDINGS IN JERUSALEM AT THE TIME OF «MANDAT FOR PALESTINE»

The article is dedicated to the history of landholdings of Russian Ecclesiastical Mission and the Orthodox Palestine Society after World War I.

The author is the first to introduce the Foreign Office and Colonial Office records kept in the British Public Record Office for the study of the problem, this enabling him to give a clear picture of the Russian landholdings fate in the «Mandate for Palestine» period as well as to reveal the complicated structure of the British policy regarding this matter.